

УДК 903.5

Ю.С. Худяков¹, В.А. Кочеев²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: hol@archaeology.nsc.ru*²*Институт гуманитарных исследований Республики Алтай,
ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, 659700, Россия*

ЧАТЫРСКАЯ МУМИЯ*

Введение

Важное значение для изучения и реконструкции материальной и духовной культуры древних и средневековых кочевников на территории Горного Алтая имеют раскопки мумифицированных захоронений. В этих памятниках, благодаря особым условиям залегания, специфике конструкции сооружений могил и курганов или пещер, а также применению различных методов бальзамирования хорошо сохранились органические остатки, в том числе мумифицированные тела умерших, предметы из дерева, кожи, материи и других материалов, которые, как правило, в погребениях полностью истлевают.

В Горном Алтае захоронения с мумифицированными остатками исследованы в могильниках, относящихся к разным историческим эпохам и кочевым культурам. Подобные погребения, принадлежавшие носителям пазырыкской культуры скифского времени, раскапывались в нескольких районах Алтая. Еще в середине XIX в. большие курганы скифского времени с сопроводительным инвентарем из органических материалов изучались В.В. Радловым на памятниках Катанда и Берель [1989, с. 446 – 451]. В 1920-е гг. раскопки больших курганов пазырыкской культуры были проведены М.П. Грязновым на памятниках Пазырык и Шибэ [1950, с. 69 – 70]. В 1940 – 1950-х гг. С.И. Руденко исследовал подобные курганы на могильниках Пазырык, Башадар и Туэкта [1960, с. 324 – 334]. В результате этих раскопок в линзах подкурганной мерзлоты в больших курганах пазырыкской куль-

туры были обнаружены предметы сопроводительного инвентаря, мумифицированные тела людей и сопроводительные захоронения лошадей. В раскопанных могилах находились головные уборы, различные виды одежды, обувь, предметы вооружения и воинского снаряжения, украшения, предметы конской сбруи, ковры, транспортные средства, бытовая утварь, разнообразные предметы прикладного искусства, выполненные в скифском зверином стиле. В пазырыкских курганах были обнаружены мумифицированные тела людей со следами татуировки, бальзамирования и искусственной мумификации. Эти находки позволили реконструировать особенности погребальной обрядности, материальной и духовной культуры, социального и этнического развития населения Горного Алтая в скифское время. Благодаря им можно точно воссоздать пазырыкский костюм, этнографический облик носителей пазырыкской культуры, проследить их торговые, культурные и этнические связи с кочевыми и оседлыми народами Центральной и Восточной Азии, Переднего Востока, составить представление о мифологии и религии кочевников скифского времени в Горном Алтае. Предметы из органических материалов были найдены в процессе раскопок рядовых курганов кочевников Горного Алтая скифского времени, которые проводились в 1970 – 1980-х гг. Д.Г. Савиновым [1978, с. 48 – 55], В.Д. Кубаревым [1987, с. 23 – 30], А.С. Суразаковым [1989, с. 118 – 124], В.А. Кочеевым и другими исследователями. Они дали информацию об основных элементах культуры рядовых кочевников.

Новые возможности для изучения “замерзших” курганов знати и рядовых кочевников продемонстрировали проводившиеся на Укоке в 1990-х гг. раскоп-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 98-01-00338.

ки В.И. Молодина [Древние культуры..., 1994, с. 60 – 94] и Н.В. Полосьмак [1994а, с. 16 – 90]. Здесь в линзах подкурганной мерзлоты сохранились разные предметы сопроводительного инвентаря, внутримогильные конструкции и мумифицированные тела погребенных. В ходе раскопок удалось выявить головные уборы, одежду, обувь, украшения, предметы вооружения, воинского убранства, конской сбруи и бытовой утвари. Многие вещи были оформлены в скифском зверином стиле. На телах погребенных в курганах пазырыкской культуры на плато Укок имелись следы искусственной мумификации, бальзамирования, а также татуировка [Полосьмак, 1994б, с. 29 – 31]. Впервые в истории изучения алтайских мумий их ткани исследовались методами генетики [Воевода и др., 1998]. Это открыло качественно новые возможности для проведения сравнительно-исторического анализа и решения вопросов происхождения древних кочевых культур в Горном Алтае. Раскопки на Укоке продемонстрировали важность изучения мумифицированных захоронений для реконструкции этнокультурогенеза кочевого населения этого района в раннем железном веке.

В Горном Алтае известны мумифицированные погребения не только скифского времени. Несколько подобных захоронений, относящихся к булан-кобинской культуре хунно-сарматского времени, исследовано нами на могильнике Усть-Эдиган в среднем течении р. Катунь. В 1989 г. был раскопан курган, в каменном ящике которого оказалось женское захоронение с признаками естественной мумификации. Частично сохранились мягкие ткани тела умершей, остатки оригинального головного убора, одежды, бытовой утвари, изготовленной из органических материалов [Худяков, 1991а, с. 61 – 66; 1998, с. 34 – 38]. В 1990-х гг. остатки мумифицированных тел и предметы из органических материалов были найдены при раскопках еще четырех погребений на могильнике Усть-Эдиган. В этих могилах отсутствовала подкурганная мерзлота. Вещи из органических материалов хорошо сохранились в могилах с каменными ящиками благодаря конструкции перекрытия: под несколькими слоями плотно уложенных каменных плит внутри ящика были полые камеры, не заполненные землей. В этих камерах до наших дней дошли деревянные и кожаные сосуды, войлочные, деревянные и матерчатые детали головного убора, шелковая и шерстяная одежда. Не исключено, что в хунно-сарматское время кочевники Горного Алтая владели некоторыми приемами искусственного сохранения тел умерших. В пользу этого свидетельствуют следы трепанации черепов у отдельных погребенных в могильнике Усть-Эдиган.

Мумифицированные останки человека и разные предметы из органических материалов в скальном гроте на р. Кам-Тытугом нашли школьники из с. Кокоря (Гор-

ный Алтай). Местонахождение было осмотрено В.А. Кочеевым. Находки из погребения, хранящиеся сегодня в школьном музее в с. Кокоря, неоднократно исследовались А.И. Семеновым [Савин, Семенов, 1997, с. 34 – 40], Ю.С. Худяковым, А.В. Эбелем и другими специалистами [Худяков, Эбель, Кочеев, 1998, с. 279 – 284]. В музейной экспозиции представлены мумифицированная голова и рука умершего со следами искусственной мумификации и соединения швов красной шерстяной ниткой; детали деревянной кибиты лука с костяными и роговыми накладками; кожаные колчан и налучье, сшитые из шкуры мехом наружу и отороченные красной выделанной замшей; деревянные древки стрел, выкрашенные красной краской и обклеенные поясками из цветной коры. По хорошо сохранившимся находкам захоронение на р. Кам-Тытугом датируется III – V вв. н.э. [Там же, с. 284]. Вероятно, в погребальной обрядности кочевников Горного Алтая традиция искусственного сохранения тел умерших существовала в течение всей первой половины I тыс. н.э.

Характеристика древнетюркского погребения в местности Чатыр

Для проведения сравнительного и историко-генетического анализа и сопоставления с результатами исследованных мумифицированных захоронений скифского и хунно-сарматского времени несомненный интерес представляет находка из аналогичного погребения, относящегося к древнетюркской эпохе. Это погребение было обнаружено после расчистки бульдозером площадки для гравийного карьера в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Кош-Агачском р-не Республики Алтай в 1991 г. [Худяков, Кочеев, 1997, с. 10 – 18]. На месте работы бульдозера детьми из с. Жана-Аул были найдены череп коня и хорошо сохранившиеся фрагменты кожаных ремней от узды с бронзовыми бляшками. Череп лошади вывалился из поврежденного бульдозером погребения, которое находилось на глубине около 90 см от уровня современной поверхности. К сожалению, к моменту осмотра чатырского погребения сотрудником Института гуманитарных исследований Республики Алтай В.А. Кочеевым оно было основательно нарушено.

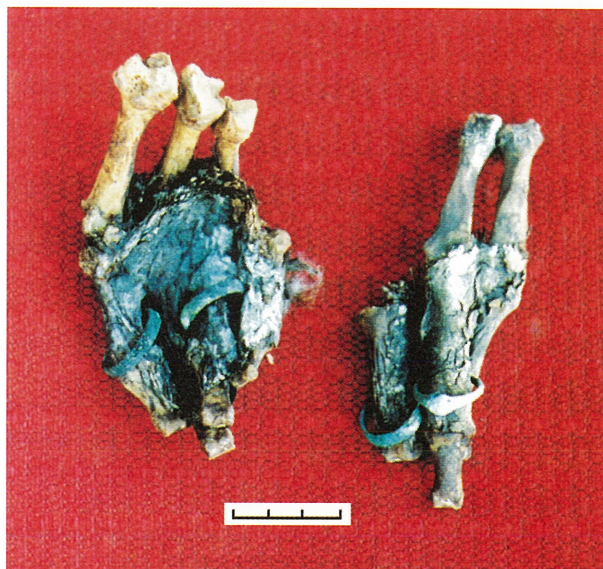
По наблюдениям В.А. Кочеева, могильную яму перекрывала каменная насыпь, которая была полностью снесена бульдозером. В карьере прослежены остатки насыпи и заполнения могильной ямы, сдвинутые ножом бульдозера. В западной части могилы находился частично нарушенный скелет коня. Судя по расположению костей, сохранивших анатомическое положение, животное было ориентировано головой на север. Коня поместили в могилу вгнузданным. От узды сохранилось несколько фрагментов ремней с бронзовыми бляшками.

1

2

3

4

Рис. 1. Голова чатырской мумии: в анфас (1) и профиль (2), фаланги пальцев обеих рук с кольцами (3, 4).

В восточной части могильной ямы находился каменный ящик трапециевидной формы из вертикальных каменных плит. Длина ящика 185 см; ширина в северной части 62 см, в южной – 25 см; глубина в северной части – 5 см, в южной – 40 см. Дно ящика было покатым, с углублением к северу. На дне могильной ямы находилось тело погребенной женщины. Она была похоронена на спине в вытянутом положении, головой на север. У погребенной хорошо сохранились мягкие ткани лица, тела, рук. Это, вероятно, результат естественной мумификации, поскольку следов бальзамирования, трепанации или других действий с целью консервации трупа не обнаружено.

Судя по сохранившимся мягким тканям лицо погребенной было монголоидного типа, с узким разрезом глаз, выступающими скулами и маленьким приплюснутым носом (рис. 1, 1, 2). Изучение этих материалов методами генетики позволит сопоставить полученные результаты с данными анализа мумий скифского и гуннского времени и судить о генетических контактах населения, обитавшего на территории Горного Алтая в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

В ушах у погребенной сохранились “серьги”, изготовленные из витой толстой нити. Они были продеты в мочки ушей и имели петли для подвешивания украшений. Возможно, это были заменители настоящих

1

2

Рис. 2. Деревянная кружка (1) и блюдо (2).

металлических серег или только крепления для подвесных украшений (см. рис. 1, 2). В погребении найдено 16 бусин, входивших в состав одного ожерелья. Самая крупная бусина, дисковидной формы, изготовлена из темного, непрозрачного камня с зеленоватым отливом. Девять бусин шаровидной формы были сделаны из полупрозрачного розоватого камня. Сырьем еще для четырех бусин эллипсоидной, шаровидной и цилиндрической форм послужил белый с прожилками камень. Две цилиндрические бусины диаметром 0,8 – 3 см изготовлены из зеленоватого камня. Одна из них с одной стороны уплощена.

Крупные бусины из чатырского захоронения по форме, размерам и цветам поделочного камня похожи на крупные бусины джетысарской культуры [Левина, 1996, с. 224]. Сложнее судить о происхождении бусин иных форм. Считается, что большинство каменных бусин в средние века привозилось из Индии и Средней Азии [Кызласов, 1977, с. 141 – 143].

Погребенная была одета в шелковую наплечную одежду, которая сохранилась фрагментарно. Вероятно, это был халат, сшитый из кусков шелка разной расцветки, красноватого и коричневатого цвета. На некоторых фрагментах просматриваются тканые узоры. До завершения реставрационных работ покрой одежды точно восстановить нельзя. Скорее всего, одежда была изготовлена из китайского шелка. Его анализ должен помочь в определении хронологии памятника.

На пальцах обеих рук погребенной женщины были надеты бронзовые кольца и перстень из узких (ширина около 4 мм) пластин. Перстень по конструкции аналогичен кольцам, но на внешней стороне у него имеется округлый щиток. Кольца и перстень не украшены и представляют собой пластину, свернутую в кольцо. Перстень был надет на средний палец правой руки погребенной, а кольца – на указательный и безы-

мянный пальцы левой руки и на безымянный палец правой руки (см. рис. 1, 3, 4).

Перстни и кольца встречаются в древнетюркских памятниках Алтая сравнительно редко. Несколько таких находок зафиксировано в мужских и женских захоронениях могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с. 41]. В одном погребении, как правило, находилось по одному-два таких украшений, и лишь в единственной могиле найдено пять разных колец. Кольца были надеты на указательный палец правой руки (одно-два на одном пальце) или на палец левой руки [Там же, с. 41]. На фалангах пальцев одного погребенного оказались пять колец: три бронзовых, одно серебряное и одно рифленое трехчастное [Там же, табл. XX, 3 – 6].

Кольца и перстни встречаются (но редко) и в древнетюркских памятниках на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 36]. Ввиду малочисленности этих предметов среди сопроводительного инвентаря они не могут считаться универсальным хронологическим показателем, хотя известно, что украшения были характерны для памятников Первого тюркского каганата.

В головах у погребенной находились деревянные сосуды с заупокойной пищей и питьем. Хорошо сохранилось деревянное блюдо удлиненно-овальной формы с вогнутыми сторонами на четырех конических низких ножках (рис. 2, 2). Подобная посуда для мясной пищи бытовала в культурах кочевников Горного Алтая со скифского времени [Кубарев, 1987, с. 50 – 51]. Аналогичные по форме блюда найдены в памятниках древних тюрков в Тыве [Вайнштейн, 1966, с. 325].

Рядом с блюдом находилась деревянная кружка с шаровидным туловом, широкой горловиной, отогнутым венчиком и петлевидной ручкой (рис. 2, 1). Близкие по форме деревянные сосуды (некоторые с петлевидными ручками) имеются среди материалов раскопок древнетюркских памятников в Тыве и на

Тянь-Шане [Там же, с. 325; Табалдиев, 1996, с. 57]. Более широко известны подобные металлические сосуды, серебряные кружки с ручками на низких поддонах [Кубарев, 1984, с. 31; Древние культуры..., 1994, с. 118]. Они бытовали в культуре древних тюрок вплоть до конца I тыс. н.э. Довольно часто аналогичные сосуды изображались на древнетюркских каменных изваяниях [Кубарев, 1984, с. 57]. Подобные сосуды использовались для жидкости. Они встречаются и в мужских, и в женских захоронениях.

В погребении была найдена роговая, односторонне выпуклая пластина с загнутыми краями трапециевидных очертаний. На ее расширенном конце имеется два отверстия для крепления. Эта находка напоминает роговые горловины бурдюков, известные в культурах средневековых кочевников Восточной Европы [Плетнева, 1967, с. 154].

При сопроводительном захоронении коня были обнаружены фрагменты кожаных ремней узды с бронзовыми бляшками. К сожалению, скелет коня подвергся частичному разрушению бульдозером, поэтому фрагменты узды были найдены не в могиле, а собраны на поверхности карьера. По сохранившимся крупным фрагментам можно достаточно полно представить конструкцию чатырского конского оголовья. Узда включала несколько основных ремней и дополнительных ремешков, выполнявших декоративную функцию. Уздечные ремни были изготовлены из сложенной вдвое по всей длине полосы выделанной сыромятной кожи. Ремни прошиты кожаными ремешками и скреплены бляшками со шпеньками, а также обоймами. В составе уздечного набора сохранилось 60 разных по форме бляшек, в том числе 7 крестовидных с тремя округлыми и одним треугольным выступом, 25 прямоугольных с полукруглыми вырезами с двух сторон и приостренным концом, 4 наконечника с прямыми или приостренным концом, 1 обломанная пряжка с рамкой, щитком и железным язычком. Все бляшки бронзовые, односторонне выпуклые, с кладкой, неорнаментированной поверхностью, декоративно оформлены фигурными выступами или вырезами (рис. 3).

В реконструированном виде узда состоит из двух нащечных ремней, соединенных с наносным, налобным, затылочным, подчелюстным и подгубным ремнями. Налобный и наносный ремни скреплялись дополнительным вертикальным ремнем, от которого вверх и вниз отходило по два декоративных ремешка,

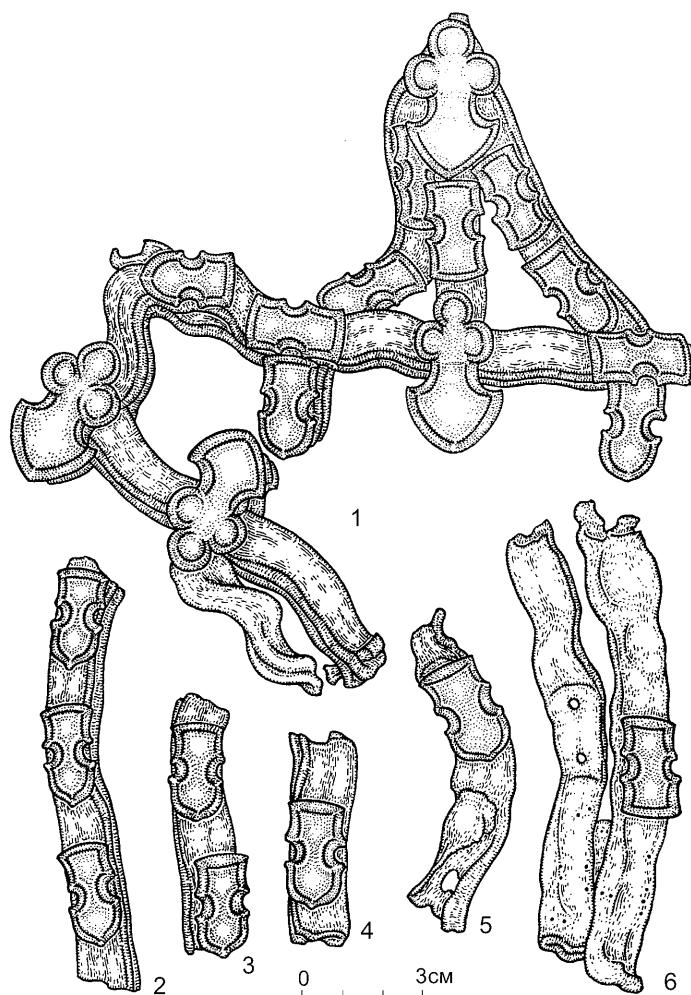

Рис. 3. Фрагменты кожаной узды с бляшками.

пришитых под углом к налобному и наносному ремням. Такие же дополнительные ремешки соединяли между собой налобный и нащечные ремни. Нащечные, налобный, наносный и дополнительные ремни оголовья очень плотно украшены бляшками, местами они прикреплены на расстоянии в 1–2 см, местами почти вплотную. Крестовидные бляшки на узде расположены треугольным приостренным выступом вниз преимущественно в местах соединения ремней. Прямоугольные бляшки с приостренным концом симметрично размещены на налобном, наносном и дополнительных ремнях выступом вниз, а на нащечных – выступом вверх. Прямоугольные бляшки расположены вертикально и горизонтально на всех ремешках симметрично [Худяков, Кочеев, 1997, с. 15–16] (рис. 4).

Не вполне выяснено место крепления на узде узких наконечников ремней. Ими могли оканчиваться узкие декоративные ремешки. Трудно судить о месте обойм и узлов на двойных ремнях и узких

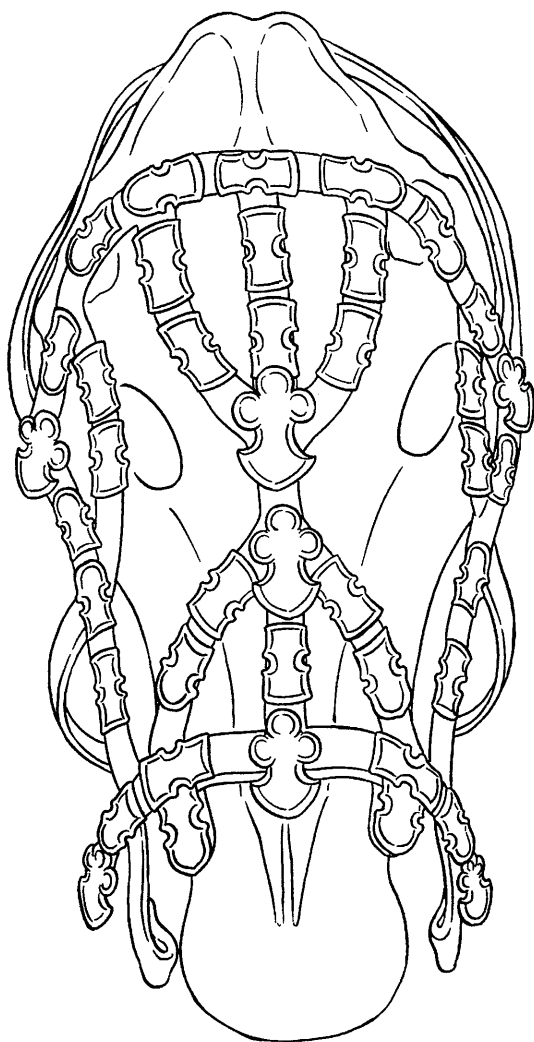

Рис. 4. Реконструкция узды из чатырского погребения.

одинарных ремешков. Приходится лишь сожалеть о том, что при хорошей сохранности ремней именно узда оказалась в отвале и сильно пострадала, ввиду чего усложняется решение задачи реконструкции.

Состав сопроводительного инвентаря и некоторые особенности погребальной обрядности сближают чатырское захоронение с группой погребений древнетюркского времени из могильника Кудыргэ в Восточном Алтае [Гаврилова, 1965, с. 32]. С кудыргэнским комплексом чатырское погребение имеет сходство в меридиональном расположении умершего и коня, а также в оформлении сбруйных украшений и колец на пальцах обеих рук у женщины. Правда, чатырское захоронение в отличие от кудыргэнских могил имеет северную ориентировку. Отличительной особенностью чатырской могилы является каменный ящик трапециевидной формы из вертикально установленных плит. Подобная

конструкция надмогильного сооружения восходит в Горном Алтае к традициям погребальной обрядности носителей булан-кобинской культуры [Мамадаков, 1985, 173 – 178].

Заключение

По характерным особенностям заупокойной обрядности чатырская могила с мумифицированным женским захоронением у с. Жана-Аул может быть отнесена к памятникам кудыргэнского типа. Высказываются разные точки зрения на его хронологию и этнокультурную принадлежность. Так, С.В. Киселев датировал могильник Кудыргэ V – VI вв. н.э. Памятник, как считал исследователь, появился ранее VI в. н.э., до образования Первого тюркского каганата [1949, с. 277]. К подобной датировке склоняется и Д.Г. Савинов [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 98]. А.А. Гаврилова отнесла памятники кудыргэнского типа к VI – VII вв., периоду существования Первого тюркского каганата [1965, с. 61]. А.К. Амброз предлагал датировать Кудыргэ VII – VIII вв., временем Второго восточнотюркского каганата [1973, с. 94]. По поводу этнической принадлежности носителей культуры кудыргэнского облика высказывались разные мнения. Их связывали с тюрками, теле, жужанями или аварами [Гаврилова, 1965, с. 61; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 98]. На наш взгляд, больше всего оснований соотносить кудыргэнский комплекс со временем Первого тюркского каганата и датировать VI – VII вв., поскольку сходные формы сбруйных украшений известны в памятниках не только Саяно-Алтая, но и Тянь-Шаня. Следовательно, они могли получить распространение в период существования единого тюркского государства, до его разделения на Западнотюркский и Восточнотюркский каганаты. После этого раздела процессы этно- и культурогенеза, как и направленность внешних культурных контактов, в каждом из этих государств приобрели самостоятельный характер.

После обнаружения чатырского захоронения стало очевидно, что кудыргэнский предметный комплекс и тип памятников были характерны не только для территории Горного Алтая, они получили достаточно широкое распространение в VI – VII вв. [Худяков, Кочеев, 1997, с. 16]. В создании памятников кудыргэнского типа приняли участие разные по происхождению этнокультурные компоненты, что обусловило различия в погребальной обрядности чатырского захоронения и кудыргэнских могил. Учитывая некоторые элементы заупокойной обрядности чатырского захоронения, можно сделать вывод, что в сложении древнетюркского этноса приняли участие носители булан-кобинской культуры Горного Алтая.

Список литературы

- Амброз А.К.** Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (VI – VIII вв.) // СА. – 1973. – № 4. – С. 81 – 99.
- Вайнштейн С.И.** Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. 2. – С. 292 – 334.
- Воевода М.И., Ситникова В.В., Чикишева Т.А., Ромашенко А.Т., Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Деревянко А.П., Шумный В.К.** Молекулярно-генетический анализ митохондриальной ДНК представителей пазырыкской культуры Горного Алтая (IV – II вв. до н.э.) // Докл. Академии наук. – 1998. – Т. 358(4). – С. 564 – 566.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Эрмитаж, 1950. – 89 с.
- Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др.** – Новосибирск: ВО “Наука”. Сиб. издат. фирма, 1994. – 224 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 362 с. – (МИА; № 9).
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Степные империи Евразии. – СПб.: Фарм, 1994. – 165 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 229 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 299 с.
- Кызласов И.Л.** Бусы средневековой Хакасии // Вопросы истории Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1977. – С. 136 – 145.
- Левина Л.М.** Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.: Вост. лит., 1996. – 396 с.
- Мамадаков Ю.Т.** Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1985. – С. 173 – 191.
- Плетнева С.А.** От кочевий к городам. – М.: Наука, 1967. – 196 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы”. – Новосибирск: ВО “Наука”. Сиб. издат. фирма, 1994а. – 125 с.
- Полосьмак Н.В.** К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. – 1994б. – № 3. – С. 29 – 33.
- Радлов В.В.** Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 747 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.
- Савинов Д.Г.** О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 48 – 55.
- Савин А.М., Семенов А.И.** Материалы гуннского облика из пещеры Камтыттукем в Горном Алтае: Ксилотомический анализ // Культура народов Сибири. Материалы третьих Сибирских чтений. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997. – С. 34 – 44.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1989. – 214 с.
- Худяков Ю.С.** Мумифицированное погребение хуннского времени из Горного Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер. история, филология и философия. – 1991а. – Вып. 2. – С. 60 – 66.
- Худяков Ю.С.** Охранные раскопки в зоне затопления Катунской ГЭС в 1990 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991б. – С. 154.
- Худяков Ю.С.** Эдиганская мумия // Природа. – 1998. – № 10. – С. 34 – 38.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А.** Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. археология и этнография. – 1997. – № 3. – С. 10 – 18.
- Худяков Ю.С., Эбель А.В., Кочеев В.А.** Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тытугом в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 279 – 284.

Материал поступил в редколлегию 01.04.1999 г.

УДК 903.5(571.15)

Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@us.nsc.ru*

АНТРОПОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Введение

Этапы истории государства гуннов и динамика этнического состава входящих в него племен изучены в основном по восточным летописям и археологическим источникам. Предваряя итоги нашего исследования мы лишь упомянем о начальных вехах политической экспансии гуннов, чтобы обозначить хронологический рубеж, с которого теоретически можно было бы ожидать изменений антропологического состава населения на территориях, подвластных им. Этот рубеж совпадает с периодом усиления племенного объединения, известного по восточным летописным источникам как хунну или сюнну. По словам Н.Я. Бичурина, Дом “Хунну... царствовал в западной половине Монголии, орда его стояла под Хангаем (близ Орхона); владения его простирались от Калгана к северу за Байкал, к западу до Тарбагатайских гор” [Бичурин, 1950, с. 32]. Благодаря чрезвычайно активной военной деятельности шаньюя Модэ (Маодуня) (209 – 174 гг. до н.э.), покорившего целый ряд народов, было создано крупное государственное объединение. Его власть распространилась от Хингана на востоке до Монгольского Алтая и Тянь-Шаня на западе, от Забайкалья и Саян на севере до Ордоса на юге.

Начало политической истории гуннов совпадает с началом правления в Китае династии Хань. Это период завоевательных походов шаньюя Модэ, основными результатами которых стало покорение родственного хунну племенного объединения дунху, занимавшего, по свидетельству Н.Я. Бичурина, территории Восточной Монголии: “...орда его находилась в средоточии сей страны (в Карцинь); владения его простирались на запад до Калгана, на север до Хинганского хребта” [Там же]; победа над западными соседя-

ми – юечжами (племенами, занимавшими огромную территорию от Тянь-Шаня до Гобийского Алтая); достижение договора о мире с династией Хань. Дальнейшая история гуннов связана с новыми походами на юечжей, серией вторжений в Китай, подчинением ряда племен в Восточном Туркестане, Семиречье, на верхнем Енисее и Алтае.

Большая часть II в. до н.э. считается временем расцвета государства хунну. Кризис политического господства хунну в Центральной Азии связан с циклом хунно-китайских войн, начатых по инициативе ханьцев при императоре У-ди (Вуди) в 140 г. до н.э. Почти непрерывные войны с китайцами, а также племенами и племенными объединениями, состоящими в союзе с Китаем, ослабили хунну. Одновременно они подвергались нападению со стороны кочевых племен, находившихся от них в прямой зависимости: ухуаньцев (части некогда покоренных ими племен дунху) с востока, енисейских динлинов с севера, усуней с запада. В результате в середине 50-х гг. до н.э. государство хунну распалось на два объединения – северных и южных хунну. История последних полностью определялась ханьской империей. Северные хунну, сохранив политическую независимость, вели постоянную борьбу со своими южными и восточными соседями. Часть этого племенного объединения в конце I в. н.э. двинулась на запад, вовлекая в свое движение находившиеся на их пути племена. В III – IV вв. они возглавили мощный союз разноэтничных кочевых племен степей Евразии. Авторы летописей называли их гуннами. Империя гуннов перестала существовать в середине V в. Период “возвышения” династии Хунну (конец III – начало II в. до н.э.) считается хронологической границей между скифской и гунно-сарматской культурно-историческими эпохами.